

М.М. ЛЕБЕДЕВА*

В ПОИСКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИНТЕРЕСЫ АКТОРОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым, с одной стороны, в настоящее время особое внимание уделяется анализу современного мирового порядка, с другой – мировой порядок на протяжении 30 лет так и остается неопределенным. Показывается, что мировой порядок, понимаемый в большинстве исследований как взаимоотношения ведущих государств мира, является лишь частью политической организации мира. Политическая организация мира представляет собой трехуровневую систему, которая наряду с системой межгосударственных отношений включает в себя в качестве основы принципы Вестфальской модели мира, где главным принципом выступает суверенитет, а также политические системы различных государств мира. В связи с тем, что происходит эрозия основы политической организации мира (Вестфальской модели), вопрос о системе межгосударственных отношений в значительной степени утрачивает свою актуальность. Важными для понимания того, как будет формироваться политическая организация мира, становятся интересы различных акторов мировой политики. В статье анализируются интересы государств, международных организаций, структур бизнеса, субнациональных территорий, а также университетов, СМИ и международных НПО. Отмечается, что в современных условиях экономические и гуманитарные интересы различных акторов конвертируются в политические интересы. Это дает основание полагать, что политическая организация мира будущего не сможет не учитывать интересы различных акторов мировой политики. Показывается, что будет происходить дальнейшая транснационализация акторов, связанная не только с глобализацией, определяемой как транспарентность нацио-

---

* **Лебедева Марина Михайловна**, доктор политических наук, профессор, заведующая Кафедрой мировых политических процессов Факультета политики и управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

нальных границ, но и с взаимодействием, а порой и «прорастанием» структур одних акторов в структуры других акторов. Одним из важнейших параметров выстраивания новой архитектуры мировой политики будут сетевые отношения. При этом цифровые технологии будут активно внедряться в международно-политическую практику, что повлияет на политическую организацию мира, подобно тому, как в свое время промышленная революция повлияла на развитие капитализма.

Ключевые слова: мировой порядок; политическая организация мира; политическая архитектура мира; государства; негосударственные акторы; мировая политика; интересы акторов мировой политики.

Для цитирования: Лебедева М.М. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 102–123. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.05>

Почему не складывается новый мировой порядок?

Проблема мирового порядка является наиболее обсуждаемой и политиками, и исследователями. Более того, данная проблема нашла отражение даже в официальных документах. Так, в Указе Президента России «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится, что «современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства»¹.

Каковы причины столь интенсивного обсуждения мирового порядка в последние годы? Представляется, что причина в том, что прошло более тридцати лет с момента распада биполярной системы, однако мир продолжает находиться в поисках, каким мировой порядок является в настоящее время, каким он должен или может быть. Пожалуй, впервые в мире распад одного миропорядка, в данном случае биполярного, не привел к относительно быстрому формированию нового миропорядка. Современная ситуация осложняется еще и тем, что целый ряд существующих международных структур сформировался еще в эпоху биполярности.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата посещения: 28.01.2024).

Несмотря на различия в понимании того, что собой представляет мировой порядок (анализ см.: [Фененко, 2023]), абсолютное большинство авторов исходят из того, что миропорядок определяется балансом сил ведущих мировых держав. В этом отношении мировой порядок близок к понятию «система международных (межгосударственных) отношений». По окончании холодной войны и распада биполярной системы мировой порядок представлялся сначала как однополярный во главе с США. В противовес ему многополярный мировой порядок определялся как наиболее справедливый и желаемый. В последние годы заговорили о новой биполярности – США – КНР (называются и иные оси биполярности), хотя многополярный мир по-прежнему часто видится в качестве приоритета в будущем. Однако здесь возникает ряд вопросов: сколько полюсов возможно? Вряд ли все страны мира будут представлять собой полюса. По всей видимости, число полюсов будет ограничено. По какому принципу будут формироваться полюса? Один из вариантов – по региональному принципу. Например, В.Г. Барановский обращает внимание на то, что региональный фактор становится одним из важнейших в определении полюсов. [Барановский, 2023]. Возможно. Однако не превратится ли такая «регионализация» мирового порядка в «столкновение регионов»?

Все варианты полярности (полносности), включая однополярную модель, не снимают проблему соперничества государств (и / или региона) за создание «своего» полюса. Одновременно возникает проблема противостояния между полюсами. Это ведет к распаду одних полюсов и созданию новых, независимо от того, на каких основаниях они формируются, а в итоге – к нестабильности и хаотизации в мире. Проблемы «борьба за полюс» и «борьба полюсов» возникают при однополярной, многополярной и при биполярной системе, несмотря на то что ряд исследователей приводят аргументы большей устойчивости последней по сравнению с двумя другими (см., напр.: [Богданов, 2015]). Иными словами, любая полюсная система оказывается неустойчивой, поскольку международные системы динамичны, они развиваются и изменяются. В настоящее время на этот факт почему-то в меньшей степени обращают внимание, хотя в прошлом веке он обсуждался (см., напр.: [Gilpin, 1988]), в том числе и как результат подъема и упадка великих держав [Kennedy, 1987].

Каковы причины того, что поиски нового мирового порядка так затянулись? Один из наиболее традиционных ответов на этот

вопрос заключается в турбулентности международных отношений XXI в. Впрочем, о турбулентности одним из первых написал Дж. Розенау в конце XX в. [Rosenau, 1990], когда распад биполярной системы только намечался. Представляется, что проблема более сложная и ее решение не ограничивается анализом межгосударственных отношений ведущих государств.

Мировой порядок как часть политической организации мира

Мировой порядок, определяемый обычно через структуру отношений государств, оказывающих наиболее сильное влияние на мировые политические процессы, является лишь частью политической организации современного мира, которая включает в себя Вестфальскую модель в качестве основы, а также систему межгосударственных (международных) отношений и политические системы различных государств мира [Лебедева, 2016].

Все мировые порядки, определяемые через системы международных отношений (в самом общем виде – Вестфальскую, сложившуюся к 1648 г., Европейский концерт, Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую), базировались на принципах, определенных Вестфальской моделью мира, где одним из главенствующих принципов выступал национальный суверенитет. Проблема современного мира заключается в том, что эта модель, успешно просуществовавшая несколько веков, подвергалась эрозии, начиная со второй половины XX в. Об этом много писали в конце XX в., но практически забыли в XXI в. Вместе с тем наличие проблем с базисом очевидно сказывается и на том, как на его основе выстраиваются межгосударственные отношения. Именно эрозия основы государственно-центристской (Вестфальской) модели мира не позволяет так долго после окончания холодной войны сформировать новую систему межгосударственных отношений, т.е. новый мировой порядок. Турбулентность как раз и заключается в том, что перестраивается вся система политической организации мира, включая ее базис. В этих условиях определять систему межгосударственных отношений, искать полюса становится практически бессмысленным. Поэтому следует согласиться с тезисом Т. Бордачёва об исчезающих полюсах, поскольку «вся “полярная” дискуссия дер-

жит нас в границах конструкции и способа мышления, возникших в совершенно другую эпоху»¹.

Турбулентность начала формироваться во второй половине XX столетия в связи с активным выходом на международную арену негосударственных акторов, о чём писали Р. Кохейн и Дж. Най [Nye, Keohane, 1971], и резко усилилась в конце XX в. в связи с развитием информационных и коммуникационных технологий, сделав трансграничное взаимодействие доступным в режиме реального времени для любого индивида, имеющего выход в интернет. Тем самым цифровые технологии, как писал Дж. Розенау, «спустили с поводка» процессы глобализации, суть которых заключается в увеличивающейся транспарентности национальных границ [Katzenstein, Keohane, Krasner, 1998]. В первой четверти XXI в. глобализацию сменила «откатная» волна деглобализации [Лебедева, 2019], причинами которой стало слишком быстрое развитие трансграничных отношений в конце прошлого столетия, что во многом было обусловлено цифровыми технологиями, а затем и пандемией COVID-19. Впрочем, пандемия не только «закрыла» физические границы между государствами, но одновременно «открыла» многие виртуальные национальные границы, усилив цифровое трансграничное взаимодействие.

Деглобализация выразилась в изоляционистской политике ряда государств. Так, еще до пандемии Д. Трамп, будучи президентом, предпринял ряд шагов, направленных на ограждение США от внешнего мира. Среди них – стена между США и Мексикой с целью ограничить число мигрантов в страну, выход из ряда международных соглашений, в том числе его заявление в 2017 г. о выходе из Парижских соглашений по климату, и т.п. В Европе, например, изоляционистская политика выразилась в активизации правых партий, выступивших за закрытие границ для мигрантов.

Тем не менее попытки вернуться с помощью изоляционизма «назад к Вестфалю» не смогли и не способны были решить главную проблему – реформирование имеющейся или формирование новой политической организации мира.

---

¹ Бордачёв Т. За исчезающими полюсами: ловушки традиционных подходов к осмыслению международной политики // Валдай. – 23 октября. – 2023. – Режим доступа <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/za-ischezayushchimi-polyusami/>?ysclid=lrz6b3cxd9111834597/ (дата посещения: 25.01.2024).

Были ли в истории иные идеи построения основы политической организации мира? Одним из наиболее очевидных проектов в этой области был марксистский проект, где главным структурным элементом являлись не государства, а классы. В XX в. бала попытка его реализовать. В результате Россия в 1917 г. «выпала» из Вестфалья, однако после её признания другими государствами Советский Союз не только был включен в Вестфальскую модель мира, но после окончания Второй мировой войны стал одним из лидеров на мировой арене. Кстати, Г. Киссинджер кроме Вестфальской модели, которую он называет европейской, выделяет еще китайскую (иерархическая модель с китайским центром) и исламскую (модель, основанную на религии) [Киссинджер, 2015]. Наверное, можно выявить еще теоретические модели политической организации мира, используя различные основания. Проблема заключается в том, какие из них будут «работать», а какие – нет. Так, вряд ли окажутся действенными в современном мире модели, основанные на этнической, цивилизационной, религиозной основе, поскольку они не охватывают мир в целом. Европейская (Вестфальская) модель зародилась более трех столетий назад и затем распространилась по всему миру. Это стало возможным, во-первых, как результат колониальных завоеваний европейцев, во-вторых, вследствие экономического и технологического опережающего развития Европы. В современных условиях глобализации (несмотря на сильное влияние в настоящее время тренда деглобализации) такое уже невозможно. Поэтому для поиска контуров будущей политической организации мира следует выявить общие закономерности развития и характер изменений основных акторов мировой политики.

**Акторы и тенденции их развития
во вновь выстраиваемой политической организации мира**

*Государство и международные организации
в современном мире*

Государства, в том числе ведущие государства, оставаясь ключевыми акторами современного мира, безусловно, продолжают оказывать сильнейшее влияние на сегодняшний мир и его транс-

формацию. В то же время происходит трансформация и самих государств. А.-М. Слоттер обратила внимание на феномен «трансгосударственности», суть которого заключается в создании «межправительственных сетей» между различными государствами. Иными словами, министерства и ведомства одного государства начинают интенсивно взаимодействовать с соответствующими структурами другого государства, формируя устойчивые связи [Slaughter, 2004]. А.-М. Слоттер продемонстрировала данный феномен на примере Евросоюза. Однако феномен «трансгосударственности», по всей видимости, выходит за рамки ЕС. Министерства и ведомства многих государств, включая Россию, в период до пандемии COVID-19 успешно выстраивали подобные связи со своими партнерами.

Одна из ведущих категорий в политической науке – власть – на международной арене реализуется через влияние, которое, в свою очередь, обеспечивается ресурсами. Поэтому другим важнейшим изменением на уровне государств становится дифференциация ресурса государства. До второй половины XX в. ресурс государства представлял собой единый комплекс военных, экономических и социально-гуманитарных возможностей. Именно на основе единого комплекса ресурсов сформировалась биполярная система, где военная мощь определяла паритет.

В дальнейшем единый ресурсный комплекс стал дифференцироваться. Одним из первых признаков выделения экономического ресурса в качестве самостоятельного стал энергетический кризис в 1970-х годах, когда страны Запада столкнулись с дефицитом нефти. В результате арабским странам, которые в военном отношении были значительно слабее Запада, удалось значительно повысить цены на нефть. Экономический ресурс стал важным для «азиатских тигров». Благодаря развитию экономики Япония и Германия стали значимыми политическими акторами и вошли в Группу семи.

К концу XX в. существенным становится социальный и гуманитарный ресурс, которым обладает государство. Так, Австралия является одной из ведущих стран мира, предоставляющих услуги высшего образования иностранным студентам. Согласно Департаменту образования правительства Австралии, в 2023 г. в университетах страны с января по ноябрь обучалось 783 369¹ ино-

---

¹ International Education. Data and Research. Website of Australian Government. Department of Education. – Mode of access: <https://www.education.gov.au/>

странных студентов. Доход от высшего образования в 2021/2022 уч. г. составил 13 млн 502 тыс., а в 2022/2023 уч.г. – уже 24 млн 116 тыс. австралийских долларов¹. Очевидно, что высшее образование Австралии играет не только важную роль в экономике государства, но и является ее мягкой силой.

Итак, военный ресурс в современном мире не исчез, о чем свидетельствуют вооруженные конфликты последнего времени. Однако наряду с ним самостоятельное значение приобрел экономический ресурс, а в последнее время также и социально-гуманитарный. Причины усиления последнего обусловлены возрастающим вниманием к человеку, его нуждам и развитию. Не случайно особый интерес в XXI в. стал проявляться к образованию и здравоохранению. Эти две области вошли в фокус международных исследований, чего не было ранее.

Дифференциация ресурсного потенциала позволяет государствам выбирать свою «специализацию» и благодаря этой «специализации» оказывать влияние на мир. Так, Китай, обладая значимым военным ресурсом, сделал акцент на экономику и в XXI в. стал влиятельным именно благодаря экономическому развитию. В то же время карликовое государство Андорра, например, имея население менее 100 000 человек, сфокусировалось на развитии туризма. Иными словами, государству в современных условиях, чтобы быть влиятельным, нет необходимости владеть всем комплексом ресурсов, включая военный, как это было ранее. Более того, как заметил Дж. Най, даже если государство обладает всем комплексом ресурсов, это не позволяет ему реализовывать свои интересы и цели на мировой арене в одиночку [Nye, 2002].

Еще одна характеристика современных государств заключается в том, что они крайне разнообразны, причем это разнообразие, наряду с различием в экономике, географии, демографии, политике и другими особенностями, имеет именно мирополитическую основу. После распада колониальной системы большое количество государств, став независимыми, вступили в ООН и де-факто вошли в

---

international-education-data-and-research/education-export-income-financial-year (accessed: 16.02.2024).

¹ International Education. Data and Research. Website of Australian Government. Department of Education. – Mode of access: <https://www.education.gov.au/international-education-data-and-research/education-export-income-financial-year> (accessed: 25.01.2024).

Вестфальскую систему мира, признав принцип национального суверенитета. В действительности же многие отношения ряда государств, прежде всего с соседями, выстраивались по племенным и / или религиозным основаниям. Фактически такие государства по своей сути оставались во многом довестфальскими. В то же время развитие Европейского союза привело к тому, что часть национальных полномочий была передана на наднациональный уровень. В результате страны ЕС по ряду параметров оказались поствестфальскими. Таким образом, Вестфальская система объединила в себе три разных типа государств по отношению к ней самой: вестфальские, довестфальские, поствестфальские [Лебедева, 2008; Харкевич, 2010]. Очевидно, что любое государство обладает чертами всех трех типов, но какие-то из этих черт доминируют, что и дает основания для такой классификации.

Международные организации, образованные государствами, в настоящее время часто подвергаются критическому анализу, поскольку далеко не всегда решают стоящие перед ними задачи. В связи с этим ведутся дискуссии о реформировании международных организаций, включая ООН. Пандемия COVID-19, по оценкам ряда авторов (см., напр.: [Ларионова, Киртон, 2020]), стала некоей «лакмусовой бумажкой», показавшей неспособность многих международных организаций действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Тем не менее «международные организации формируют свою систему ценностей и идентичность подобно государствам с их национальной (национально-гражданской), внешнеполитической, а часто и цивилизационной идентичностями...» [Прохоренко, 2023, с. 396]. Этот момент очень важен для создания политической организации или политической архитектуры будущего, так как дают основания для образования общности на наднациональном уровне.

Бизнес: тенденции развития

Как и государства, бизнес стремится усилить свое влияние на мировой арене, наращивая ресурсы. Интересно, что при этом бизнес пытается приобрести эти ресурсы, порой в нетипичной для него сфере. Примером здесь может служить Глобальный договор, направленный на социальную ответственность бизнеса, причем не

только в рамках своей корпорации, но во всемирном масштабе¹. Смысл участия бизнеса в Глобальном договоре, а также в выполнении принципов *ESG*, подразумевающих следование экологическим нормам, социальной ответственности и качественному корпоративному управлению заключается, в частности, и в том, чтобы сформировать свой позитивный имидж.

Вышедший на международную арену бизнес усиливает свое влияние на мировую политику и более традиционными для себя способами. С одной стороны, развиваются инструменты лоббирования интересов бизнеса, как на уровне государств, так и на уровне международных институтов. На примере Европейского союза можно отчетливо проследить процесс лоббирования интересов бизнеса (см., напр.: [Coen, Richardson, 2009]). С другой стороны, бизнес усиливает влияние на международной арене за счет своей деятельности, реализации проектов и т.п., в том числе и путем мягкой силы, которая имеется не только у государств, но и у негосударственных акторов [Nye, 2002]. При этом в некоторых областях экономики и технологии бизнес начинает «соперничать» с государством. Наиболее ярким примером здесь является деятельность *SpaceX* в области космонавтики. Необходимо отметить, что соперничество в данном случае понимается как решение тех задач, которые ранее решались только государствами. Так, освоение космоса было прерогативой не просто государств, а технологически наиболее передовых государств. Сегодня этим наравне с государством занимается бизнес. Приведенный пример не означает противостояния государства и бизнеса. По существу, в большинстве случаев бизнес активно сотрудничает с государством в различных областях, в том числе и в освоении космоса.

Современный транснациональный бизнес охватывает практически все страны мира, особенно это касается таких крупнейших компаний, как, например, *Microsoft*, *Google*, продукция которых используется по всему миру. Штаб-квартиры названных компаний находятся в США и они развивались как американские компании. В то же время, например, фармацевтическая компания *Novo Nordisk* со штаб-квартирой в Дании, которая скорее относится к категории малых стран, поставляет на мировой рынок 50% инсу-

---

¹ Глобальный договор ООН. – Mode of access: <https://globalcompact.ru/about/> (accessed: 17.02.2024).

лина, более 36 млн человек в мире используют продукцию данной компании, и она проводит клинические испытания в более чем в 50 странах. При этом на компанию работает 55 185 человек в различных странах¹. Наконец, еще один пример – Тайваньская компания *TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company)*, которая производит микрочипы и занимает 54% мирового рынка, поставляет свою продукцию в различные страны, в том числе в США, Китай и др. При этом в 2020 г. разгорелся торговый конфликт между США и КНР. США запретили *TSMC* поставлять чипы китайской компании *Huawei*. В период пандемии, в связи с переходом мира на онлайн-коммуникацию, возник дефицит микрочипов, и *TSMC* объявила своим основным заказчиком *Apple*. Остальным компаниям пришлось ожидать поставок микрочипов месяцами². Последний пример демонстрирует, как переплетаются экономические и политические интересы различных государств и компаний. Ситуация оказывается еще более сложной, если иметь в виду, что Тайвань является частично признанным государством, а отношения КНР с Тайванем находятся в конфликтном состоянии и периодически обостряются. В случае серьезного обострения ситуации вокруг Тайваня мир может оказаться перед угрозой значительного дефицита микрочипов, что нарушит все сферы, так или иначе связанные с цифровизацией.

Таким образом, бизнес, в котором заняты граждане различных государств и продукция которого охватывает огромное число людей по всему миру, приобретает социальный смысл, а через него и возможности политического влияния. В ряде случаев, как в ситуации с *TSMC*, бизнес обладает возможностью непосредственного политического воздействия. Причем государства происхождения транснационального бизнеса – ведущее государство или малое государство, или даже только частично признанное государство – в этом случае не имеют особого значения.

Если говорить о тенденциях в развитии бизнеса, то следует отметить, что начиная с конца прошлого века на международную

---

¹ Novo Nordisk. Annual Report 2022. – Mode of access: <https://www.novonordisk.com/investors/annual-report.html> (accessed: 25.01.2024).

² Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // linDEAL – Режим доступа <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovyeyunki-tendencii-v-2022-godu> (дата посещения: 25.01.2024).

арену, наряду с крупным бизнесом, все активнее выходит малый и средний бизнес [Fujita 1998], что во многом обусловлено развитием современных технологий. Данный факт показывает усиление процессов транснационализации бизнеса в мире, включение в него все большего числа людей.

Города и субнациональные регионы

Особенность городов и субнациональных регионов заключается в том, что они являются одновременно и государственными, поскольку представляют часть государства, и негосударственными акторами, так как все же не являются государствами. В этом отношении, в отличие от бизнеса, города и внутригосударственные регионы не могут покинуть свое государство и переместиться в другое. Хотя регионы имеют возможность заявить о своей самостоятельности вплоть до отделения, что в ряде случаев и наблюдается.

Наличие своей территории у данного актора делает его особым, поэтому не случайно президент Чикагского совета по глобальным вопросам И. Даадлер отмечал, что «современная политика все больше напоминает времена Ганзейского союза, в который входили средневековые города. Глобальные центры торгуют между собой и вместе борются с общими проблемами так, как это не получается у государств»¹. При этом территория в субнациональных образованиях выполняет роль «завязывания» сетевых узлов [Castells, 1989] между различного рода бизнесами, образовательными и научными структурами, а также спортивными и культурными учреждениями и т.п. От того, насколько успешно регион или город это делает, зависит его благополучие.

Транснациональное взаимодействие субнациональных территорий формируется в мире особенно интенсивно, начиная с периода Второй мировой войны, когда городами-побратимами стали Ковентри и Волгоград как города, сильно пострадавшие от немецких бомбардировок. Значимым моментом для развития городов-

---

¹ Даадлер И. Глобальные города как субъекты международной политики // Ведомости. – 3 июля. – 2015 г. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/03/594889-globalnie-goroda-kak-subekti-mezhdunarodnoi-politiki> (дата посещения: 25.01.2024).

побратимов стала известная фраза президента США Д. Эйзенхауэра, произнесенная им в 1950-х годах, «друзья не стреляют в друзей», а также создание в этот же период в Париже Всемирной федерации породненных городов. Примечательно, что во второй половине XX столетия внешние связи городов Запада и Востока сначала основывались, прежде всего, на социально-гуманитарном ресурсе, затем они начинают использовать экономический ресурс. Особенно интенсивно стали развиваться приграничные территории. Однако активность на международной арене не всегда обусловлена близостью территорий соседних государств. Важными факторами транснационального взаимодействия субнациональных территорий являются этнический и религиозный. В то же время ряд таких территорий не ограничивается вообще какими-либо параметрами и действует на глобальном уровне [Sassen, 1991]. Примером глобальной ориентации субнационального региона может служить Татарстан, который имел свои представительства в самых разных странах и городах по всему миру, в том числе в КНР, ОАЭ, Лейпциге, Финляндии, Швейцарии, Узбекистане, Франции и др., а также в регионах России, в частности в Санкт-Петербурге, Свердловской области и др.¹ Тем самым Татарстан показывает, что он рассматривает любые связи за пределами Татарстана в качестве внешних. Примечательно, что и для некоторых других акторов внешние связи не тождественны связям за пределами границ национального государства. Например, РПЦ исходит из того, что внешние связи – это связи с другими религиозными организациями, в том числе и на территории России, а, например, приходы Русской православной церкви в США или в Африке к внешним связям не относятся. Иными словами, национальные границы в этих двух примерах оказываются вторичными.

Взаимоотношения государства со своими субнациональными территориями обычно регулируются законодательством, согласно которому определяются сферы ответственности субнациональных территорий. Однако последние всё чаще стремятся к самостоятельности, прежде всего по экономическим соображениям. В этом отношении показателен пример американского штата Нью-Джерси,

---

¹ См: перечень представительств на сайте Правительства Республики Татарстан. – Режим доступа: http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата посещения: 25.01.2024).

который приостановил деятельность закона о санкциях за связи с Россией осенью 2023 г.¹ Ранее за отмену антироссийских санкций выступили также некоторые регионы Италии² и земли Германии³.

Еще один феномен, на который необходимо обратить внимание, говоря о внутренних регионах и городах, это процесс глобализации. Глобализируются не государства, а отдельные территории. Причем эти территории могут не совпадать даже с административными границами. Такое включение в глобальный мир происходит по экономическим соображениям [Ворота в глобальную..., 2001].

В результате наблюдается тенденция, когда субнациональные регионы и города так же, как и бизнес, в экономическом плане оказываются в ситуации, в которой им становится «тесно» в рамках очерченных границ. Как следствие, экономические факторы «запускают» политические интересы. Для этого используются различные инструменты, начиная от лоббирования своих интересов и заканчивая противостоянием с государством.

Международные НПО, университеты, научные центры и СМИ

Международные НПО, возникшие как феномен в XIX столетии, по определению с самого начала действуют за пределами национальных границ. Особенностью же современных МНПО является их резкий количественный рост, что во многом обусловлено развитием информационных и коммуникационных технологий, которые позволили им значительно активизироваться в начале XXI в. за счет кардинального снижения стоимости информации и коммуникации.

---

¹ Штат США приостановил действие закона о санкциях за связи с Россией // РБК. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2023/655fd83f9a79471c87f9e364?from=sору> (дата посещения: 25.01.2024).

² Емельянова А. Итальянские регионы один за другим голосуют против антироссийских санкций // Вести.ру. – 10.07.2016. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2774596> (дата посещения: 25.01.2024).

³ Фахрутдинов Р. Санкции негативно сказались на работе предприятий // Российская газета. 30.01.2018. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/29_a_11630137.shtml (дата посещения: 25.01.2024).

Гуманитарные интересы МНПО также порой перерастают в политические. Примером может служить позиция гуманитарной неправительственной организации «Врачи без границ», отделившейся в 1971 г. от Международного комитета Красного Креста. Суть разногласий заключалась в том, что «Врачи без границ» настаивали на том, что гуманитарная помощь необходима в любом случае, независимо от того, дает ли на нее согласие государство, в котором проживают нуждающиеся в помощи люди, или нет.

Аналогичная ситуация в связи с развитием цифровых технологий сложилась для университетов и научных центров, которые и ранее были ориентированы на транснациональные отношения, однако новые возможности позволили им резко активизировать свою деятельность за пределами национальных границ. Особенно ярко это проявилось в период пандемии COVID-19, несмотря на то что платформы для проведения онлайн-конференций были разработаны раньше. Однако и после ее окончания научное взаимодействие во многих случаях продолжилось в онлайн-овом или в гибридном режиме.

Университеты в значительной степени дифференцируются. Так, ведущие университеты, предоставляя свои площадки для дискуссий и проектов, становятся центрами взаимодействий исследователей, политических деятелей разного уровня, СМИ, бизнеса, экономических структур, и, подобно городам и внутригосударственным регионам, устанавливают связи между акторами. Фактически университеты «завязывают» сетевые узлы, подобно субнациональным территориям. При этом транснационализация высшего образования способствует дальнейшей транснационализации всех отраслей, поскольку выпускники университетов разных направлений из разных стран формируют социальные сети и используют их в дальнейшей профессиональной деятельности.

Ведущие университеты и крупнейшие СМИ, особенно так называемые глобальные СМИ, которые ориентированы на распространение информации по всему миру, действуют фактически как транснациональные корпорации. Обладая обширными финансовыми ресурсами, СМИ имеют корреспондентские бюро за пределами национальных границ, дают информацию и ее оценки по всему миру. При этом экономические интересы формируются не только путем рекламы, но и за счет ангажированной политической информации. В результате те или иные СМИ сами становятся по-

литическими игроками на мировой арене. Однако ситуация в целом оказывается более сложной. Как отмечает Т.И. Тюкаева, необходимо говорить «о воздействии совокупности разноуровневых и разноформатных СМИ в их взаимодействии – как на государства и негосударственных акторов мировой политики, так и на другие СМИ и их взаимодействия между собой» [Тюкаева, 2017, с. 243].

Кроме того, важным моментом является то, что развитие цифровых технологий позволило СМИ взаимодействовать с аудиторией через социальные сети, а также путем размещения контента на своих сайтах, во-вторых, использовать в своих репортажах и статьях видео-, фотографии и т.п., которые имеются в социальных сетях широкого круга пользователей Интернета. Это резко расширило транснационализацию СМИ.

Какой может быть политическая организация мира?

Начиная со второй половины XX в. количество акторов на мировой арене значительно возросло. Причем это касается не только негосударственных акторов, но и государств, число которых с окончания Второй мировой войны увеличилось практически в четыре раза. Разумеется, не все государства, транснациональные корпорации и представители других категорий акторов в полном смысле являются акторами, хотя при определенных обстоятельствах они внезапно могут стать таковыми. Например, нападение даже небольшого государства на соседнее ведет к обострению международной безопасности и делает его актором на международной арене. Другой пример – банкротство *Lehman Brothers* 15 сентября 2008 г., ставшее одним из триггеров мирового экономического кризиса, который, в свою очередь, повлиял на мировую политику в целом.

Интересы большого количества разнообразных акторов, по всей видимости, нельзя будет игнорировать при выстраивании политической организации мира или его политической архитектуры, поэтому Вестфальская система в том виде, как она задумывалась, а затем и реализовывалась (со всеми изменениями), вряд ли возможна в дальнейшем. Соответственно, и мировой порядок, понимаемый в качестве взаимоотношений ведущих государств мира, также оказывается под вопросом. Какой именно будет политиче-

ская организация мира (политическая архитектура), сегодня определить невозможно. Тем не менее можно выделить ряд параметров, которые будут характеризовать очертания политического устройства мира.

Прежде всего происходит все большая конвертация экономических, гуманитарных и т.п. интересов различных акторов в их политические интересы. В результате будет происходить дальнейшая транснационализация акторов, связанная не только с глобализацией, определяемой как транспарентность национальных границ, но и с взаимодействием, а порой и «прорастанием» структур одних акторов в структуры других акторов, т.е. в то, что на уровне государств получило название «трансгосударственность». Этот феномен, по всей видимости, носит более широкий характер. Сегодня, например, такое «проникновение» структур государства и бизнеса имеет в значительной степени национальный характер: в частности, представители государства входят в совет директоров крупных компаний, а представители бизнеса переходят на работу в органы власти. Представляется, что этот процесс будет все больше интернационализироваться. В настоящее время немало уже случаев, когда в той или иной национальной компании руководящие посты занимают граждане другого государства, а в региональные структуры входят представители государств другого региона. Например, в деятельности Африканского банка развития (*African Development Bank*), созданного в 1964 г. для борьбы с бедностью и содействия экономическому развитию африканских стран путем привлечения государственных и частных инвестиций, принимают участие 28 внерегиональных государств¹.

Следует отметить, что акторы в большинстве случаев сотрудничают друг с другом на международной арене. Так, международные НПО получают гранты от государств, бизнеса, частных лиц. Широкое распространение получило государственно-частное партнерство и т.п. При этом наблюдается гибридизация акторов, когда образуются, например, организованные правительством НПО или создаются ТНК с 51% акций, принадлежащих государству, и т.п. Вместе с тем акторы конкурируют друг с другом, стре-

---

¹ Non-Regional Member Countries // African Development Bank. – Mode of access: <https://www.afdb.org/en/countries/non-regional-member-countries> (accessed: 25.01.2024).

мь реализовать свои интересы на мировой арене. Безусловно, террористические организации и криминальные структуры выпадают из такого взаимодействия, по крайней мере официального. Тем не менее сотрудничество акторов на мировой арене позволяет полагать, что сценарии хаоса, войны всех против всех и т.п., как предполагают некоторые исследователи¹, удастся избежать.

Современные акторы мировой политики формируют обширную сеть контактов. Очевидно, этот процесс выстраивания сетевых отношений продолжится в будущем. Несмотря на то что появились исследования по сетевым отношениям в мировой политике – правда, в основном они связаны с анализом в сети Интернет (см., напр.: [Flyverbom, 2011]), – предстоит выявить, как в целом выстраиваются сетевые отношения акторов в мировой политике, какие здесь существуют закономерности. Дж. Най заметил, что важнейшая политологическая категория – «власть» – в мировой политике определяется контекстом [Nye, 2021, p. 196]. Какой новый контекст создают сетевые отношения акторов на глобальном уровне и создают ли они его, предстоит выяснить.

Эпоха цифровизации не ограничивается развитием коммуникационных и информационных технологий и при этом усиливает свое влияние на мировую политику. Цифровые технологии уже внедряются в международно-политическую практику. Например, предлагается создать гибридную систему «человек – искусственный интеллект» для повышения эффективности оказания посреднических услуг в международных отношениях [Hirblinger, 2022]. Очевидно, что четвертая промышленная революция, как ее определил К. Шваб [Шваб, 2016], будет разворачиваться в дальнейшем и, безусловно, повлияет на политическую организацию мира, подобно тому, как в свое время промышленная революция повлияла на развитие капитализма.

Таким образом, политическая организация или политическая архитектура будущего будет выстраиваться с учетом интересов и при участии различных акторов мировой политики в условиях новой эры технологического развития. Проблемой остается то, с какими

---

¹ См., например: *Rudd K. The coming post-COVID anarchy: the pandemic bodes ill for both American and Chinese power - and for the global order // Foreign Affairs. – 2020. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (accessed: 25.01.2024).*

последствиями для человечества и как будет преодолен ценностный разрыв между акторами. Большинство негосударственных акторов достаточно прагматичны и готовы сотрудничать на основе интересов, однако на уровне государств – ключевых акторов современной мировой политики ценностные противоречия могут быть существенными.

М.М. Lebedeva*

**In search of a new world order:
interests of actors of world politics**

Abstract. The article analyzes the reasons why, on the one hand, special attention is currently being paid to the analysis of the modern world order, on the other – the world order has remained uncertain for 30 years. It is shown, that the world order (understood in most studies as the relationship between the leading states of the world) is only part of the political organization of the world. The political organization of the world is at least a three-level system, which, along with the system of interstate relations, includes as a basis the principles of the Westphalian model of the world, where the main principle is sovereignty, as well as the political systems of various states of the world. Due to the fact, that the basis of the political organization of the world (the Westphalian model) is being eroded, the question of the system of interstate relations becomes largely irrelevant. The interests of various actors in world politics become important for understanding how the political organization of the world will be formed. The article analyzes the interests of states, international organizations, business structures, subnational territories, as well as universities, the media and international NGOs. The article shows that, in modern conditions, the economic and humanitarian interests of various actors are converted into political interests. This gives a reason to believe that the political organization of the world of the future (the political architecture of the world) will not be able to ignore the interests of various actors in world politics. The author states that there will be further transnationalization of actors associated not only with globalization defined as the transparency of national borders, but also with the interaction, and sometimes “sprouting” of the structures of some actors into the structures of other actors. One of the most important parameters of building a new architecture of world politics will be network relations. At the same time, digital technologies will be actively introduced into international political practice, which will affect the political organization of the world, just as the industrial revolution once influenced the development of capitalism.

---

* **Lebedeva Marina**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Keywords: world order; political organization of the world; political architecture of the world; states; non-state actors; world politics; interests of actors in world politics.

For citation: Lebedeva M.M. In search of a new world order: interests of actors of world politics. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 102–123. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.05>

References

- Baranovsky V.G.* Regional dimension of international relations // International relations: facets of the present and the future. – Moscow: RIAC, 2023. – P. 359–389. (In Russ.)
- Bogdanov A.N.* On the threshold of a "Bipolar World"? on the prospects of systemic confrontation in the XXI century // *Vlast* – 2016. – No. 2. – pp. 5–11. (In Russ.)
- Castells M. *The informational city: information technology, economic restructuring, and the urban-regional process*. Oxford: Basil Blackwell, 1989, 408 p.
- Coen D., Richardson J. (eds). *Lobbying the European Union: institutions, actors and issues*. New York: Oxford university press, 2009, 400 p.
- Fenenko A.* World order as a theoretical and methodological category // International processes. 2023, No. 21 (1), pp. 6–42. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8> (In Russ.)
- Flyverbom M. *The power of networks: organizing the global politics of the Internet*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. 2011, 224 p.
- Fujita M. *The transnational activities of small and medium-sized enterprises*. Dordrecht A.O.: Kluwer, 1998, 257 p.
- Gateway to the global economy* / edited by O.E. Andersson and D.E. Andersson, trans. from English under. ed. by V.M. Sergeev. – Moscow: Fazis, 2001. – 440 p. (In Russ.)
- Gilpin R. The theory of hegemonic war. *The journal of interdisciplinary history*. 1988, Vol. 18, N 4, P. 591–613. DOI: <https://doi.org/10.2307/204816>
- Hirblinger A.T. When mediators need machines (and vice versa): towards a research agenda on hybrid peacemaking intelligence. *International negotiation*. 2023, Vol. 28, N 1, P. 94–125. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718069-bja10050>
- Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner S.D. International organization and the study of world politics. *International organization*. 1998, Vol. 52, N 4, P. 645–686. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830003558X>
- Kennedy P. *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1987, 677 p.
- Kharkevich M.V.* The state in modern world politics // MGIMO Review of International Relations 2010. No. 6 (15), pp. 160–166. (In Russ.)
- Kissinger H.* World order. – Mjscow: AST, 2015. – 540 p. (In Russ.)
- Larionova M., Kirton J.* Global Governance After the COVID-19 Crisis. *International Organisations Research Journal*, 2020, vol. 15, no 2, pp. 7–23 (In English). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-01

- Lebedeva M.M. Modern megatrends of world politics // *World Economy and International Relations* 2019, V. 63, No. 9, p. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37> (In Russ.)
- Lebedeva M.M. Such different states // “Privatization” of world politics: local actions – global results / ed. prof. M.M. Lebedeva. – Moscow: Golden-B, 2008. – P. 91–99. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. System of Political organization of the world: ‘Perfect storm’. MGIMO Review of International Relations. 2016. No 2(47), p. 125–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144>
- Nye J. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*. 2021, Vol. 14, N 1, P. 196–208. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
- Nye J. *The paradox of American power: why the world’s only superpower can’t go it alone*. New York: Oxford university press, 2002, 240 p.
- Nye J.S., Keohane R.O. Transnational relations and world politics: an introduction. *International organization*. 1971, Vol. 25, N 3, P. 329–349. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300026187>
- Prokhorenko I.L. The place and role of international organizations in the future architecture of the world order. *International relations: facets of the present and future*. – Moscow: RIAC, 2023, p. 390–405. (In Russ.)
- Rosenau J. *Turbulence in world politics: a theory of change and continuity*. Princeton: Princeton university press, 1990, 504 p.
- Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1991, 397 p.
- Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. – Moscow: EKSMO. – 229 p. (In Russ.)
- Slaughter A.-M. *A new world order*. Princeton, N: Princeton university press, 2004, 368 p.
- Тыкаева Т.И. World political influence of global media: constructivist approach // MGIMO Review of International Relations. 2017, No. 4(55), pp. 242–271. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Барановский В.Г. Региональное измерение международных отношений // *Международные отношения: грани настоящего и будущего*. – М.: НП РСМД, 2023. – С. 359–389.
- Богданов А.Н. На пороге «Биполярного мира»? О перспективах системной конфронтации в XXI в. // *Власть* – 2016. – № 2. – С. 5–11.
- Ворота в глобальную экономику* / под редакцией О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона; пер. с англ. под ред. В.М. Сергеева. – М.: Фазис, 2001. – 440 с.
- Киссинджер Г. Мировой порядок*. – М.: АСТ, 2015. – 540 с.
- Ларионова М.В., Киртон Дж. Глобальное управление после кризиса COVID-19 // *Вестник международных организаций*. – 2020. – № 2. – С. 24–54. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-01>

- Лебедева М.М.* Такие разные государства // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. проф. М.М. Лебедевой. – М.: Голден-Би, 2008. – С. 91–99.
- Лебедева М.М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО – университета. 2016. – № 2. – С. 125–133.
- Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>
- Прохоренко И.Л.* Место и роль международных организаций в будущей архитектуре мирового порядка. Международные отношения: грани настоящего и будущего. – М.: РСМД, 2023. – С. 390–405.
- Тюкаева Т.И.* Мирополитическое влияние глобальных СМИ: конструктивистский подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 4 (55) – С. 242–271. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-242-271>
- Фененко А.* Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. – 2023. – № 21 (1) – С. 6–42. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8>
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо. – 229 с.
- Харкевич М.В.* Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 6 (15). – С. 160–166.